

Глава 6. Основные тенденции информационной антропологии

Словосочетание «информационная антропология», равно как и «информационный человек», ещё не получило в современной гуманитарной науке постоянного терминологического статуса и фиксированного содержания. Его существование как научно-философского концепта поддерживается за счёт актуального сочетания присущих современности смыслополагающих понятий – информации и антропологии.

В силу антропологической ориентации современной философии и гуманитарных наук в целом, а также признания «антропно-го принципа» в качестве необходимого момента мироустройства, с одной стороны, можно заключить, что бытие и теоретическое моделирование человека, в том числе человека информационного, в настоящее время охвачено сетью различных антропологий – философских, социальных, политических и т. д., и в этом смысле включено в содержание антропологических учений современности. С другой стороны, современные учения о человеке – это учения о человеке информационной эпохи, информационного общества, о человеке, обживающем информационные пространства и, что немаловажно, претерпевающим в этом процессе качественные трансформации, поэтому любая современная антропология по необходимости принимает информационный характер.

Современный человек осуществляется и формируется в обществе, в котором информация – главный, доступный массовому потребителю ресурс, ценность и капитал. В виртуализированном социуме навыки по получению, переработке и оценке информации, умение сочетать и организовывать активность одновременно в виртуальных и материально-телесных пространствах – необходимые навыки выживания. Информационные миры умножаются с огромной скоростью в геометрической прогрессии, вызывая цепную реакцию преобразований на уровне социокультурной и материальной действительности. Интенсивность прироста информации превышает человеческие возможности по её обработке, систематизации и использованию. Информация всё чаще оказывается по отношению к человеку не только самостоятельной реальностью, некоторой автономной сферой активности, но и агрессивной сре-

дой обитания, местом конкуренции с техническими устройствами за сферы контроля и влияния, за свободу мировоззрения и образа жизни в программируемом СМИ и компьютерах мира.

В условиях тотальной информатизации человеческого бытия проблема человека поставлена как проблема информационного преобразования и развития. Это, в свою очередь, делает содержание понятия «информационная антропология» зависимым от интерпретации сущности информации, понимания алгоритмов и способов ее функционирования и переосмысления в информационном контексте миссии и способов человеческого существования.

В современной гуманитарной литературе информация понимается по крайней мере двояко.

— Как некое семиотически представленное (кодированное) знание – содержание послания, сообщения. Информация мыслится при таком подходе технически, инструментально, служебно. Человек использует возможности кодирования, передачи и хранения ценных сведений, благодаря всё новым материальным носителям и высоким технологиям. Информационные пространства выполняют преимущественно роль базы данных, функции исчисления, хранения, трансляции многим пользователям, избавляя человека от рутинного труда и многократно умножая его способности. Информационные виртуальные пространства не образуют самостоятельного рода бытия, подконтрольны и запрограммированы на выполнение поставленных человеком задач. Процесс информационной коммуникации – лишь один из процессов символического обмена, не предполагающий радикальных антропологических трансформаций и онтологических последствий.

— Как некая прасубстанция и основа органической и неорганической Вселенной. Единица информации подобна «частице Бога», информационная природа подобна порождающей природе. Атрибутивность информации, абсолютизация и сакрализация не столько данных, сколько самого процесса связи – информационного обмена переводит понятие информации в разряд таких фундаментальных категорий, как взаимодействие, которую многие авторы¹⁵¹ определяли как конечную причину всего существующего, за которой нет других определяющих свойств. К данному направлению можно причислить и тех «атрибутистов», которые считают информационное взаимодействие свойством самоорганизующих-

ся нелинейных систем и даже антропологическим эксклюзивом, и тех, которые видят в информационных потоках дочеловеческий и вне-человеческий алгоритм жизни и развития вселенной, а саму жизнь – эпифеноменом информационного взаимодействия. При этом онтология и картография информационных пространств варьируется в литературе от интерпретационных моделей космизма, холизма, виртуалистики, трансгуманизма и т. д. до трансперсональной психологии, интегрального анализа (Уилбер) и т. д.

В рамках второго подхода проблема информационного человека – его сущностной природы, способов существования и предназначения во Вселенной – стоит достаточно остро.

Следует отметить, что исследования информации, коммуникации и информационного человека демонстрируют тенденцию к междисциплинарности, к новой интеграции междисциплинарных парадигм, таких, например, как синергетика, космобиология, космопсихобиология, виртуалистика, трансгуманизм, экзотика, трансперсональная психология и т. д. Междисциплинарные транснациональные альянсы создаются, что примечательно, на просторах глобального Интернета не только в целях консолидации теоретических и социокультурных усилий, но и в поисках философской преемственности, места в родословной знания, имеющего интеллектуальную и культурную традицию. Англоязычная, преимущественно американская парадигма кибертрансцендентализма (и трансгуманизма в целом) с её культом ницшеанца и технофила, персоналистической иммертологией, представлена, например, как продолжательница идей русского космизма: воскрешения мертвых (Федоров), единства биотехно-ноосферы (Вернадский, Циолковский, Чижевский и т. д.), необходимости качественного преобразования человеческой природы, опираясь на возможности НТП и, конечно, идею человека как космического глобального существа¹⁵². Синергетика и синергичная антропология, подчеркивая момент синергии как сущностную характеристику взаимодействия самоорганизующихся нелинейных систем и практик качественного преобразования человеческих энергоформ, теоретически опираются не только на современную науку, но и на древнее восточное христианство (практику исихазма, например¹⁵³).

В русле междисциплинарных взаимообусловленностей сливается космологизм, энергичность, идеи развития человека и диалога с трансцендентным наличному состоянию и опыту Иным.

Здесь есть место техногенности и психогенности. Первая обеспечивает рукотворную трансформацию человека на основе биокомпьютерных высоких технологий, вторая – эволюцию сознания на основе мистического соучастия с мирозданием, преобразовательного диалога с нуминозным иным До-Эго и Пост-Эго¹⁵⁴, а также, как это ни парадоксально, на основе радарных свойств мозга – диалога «человека Сознательного» с «Биокомпьютером» – сверхсознанием Вселенной¹⁵⁵.

Можно предположить, что основными аттракторами междисциплинарного взаимодействия по формированию информатизма и информационной антропологии являются:

– идея многомерной, сложно организованной Вселенной, холархии, полионтичного мультиверсума, в котором реальности взаимодействуют одна из другой по типу «виртуальной матрешки», и каждая последующая включает все предыдущие, субъект и объект некоторым образом бытийствуют в общем поле виртуального взаимодействия. Картография взаимозависимых парадоксальным образом пересекающихся пространств задается посредством органико-дигитальных метафор – метафоры ризомы, электронной паутины, голограммы, гиперкиберпространства и т. д;

– идея пан-информатизма – единой информационной основы мироздания, онтологической и экзистенциальной доминанты, первичности, определяющей роли виртуальных дигитальных и «мыслеобразных» информационных пространств;

– идея сущностной взаимосвязи развития человека и космоса, пронизанных животворящей силой материальных и нематериальных пространств, единства геобиосферы и ноосферы, целей развития человечества и разумной космической органики;

– идея взаимообусловленности научно-технического прогресса и эволюции человечества. НТП – одна из необходимых предпосылок, ключевых звеньев и антропологических детерминант;

– ценность познания и использования на практике единых для мультиверсума алгоритмов, схем, программ, глобальных законов и междисциплинарных принципов;

– идея синергического взаимодействия и энергоинформационного взаимопревращения на уровне сложных нелинейных систем, главной из которых является человек, как основного механизма развития;

— идея пан-коммуникации, интерактивной связи и обмена всего со всем. Онтологизация диалога и диалогизация человеческого бытия;

— идея замены биоэволюции автоэволюцией и техноэволюцией – необходимости дальнейшего техногенного и психогенного человеческого развития, причем радикально преодолевающего ограничения человеческой природы (пространственно-временную конечность и определенность, антропоморфность и т. д.). Техногенный и психогенный трансформационизм;

— имагогика и имагология, работа с воображением как технология преобразования человека и универсума;

— идея сверхчеловека как человека совершенного, постчеловека будущего (человека космического, человека сознательного, человека бессмертного, человека виртуального и т. д.). Пересмотр самого понятия человека и человечности.

В результате междисциплинарного межпредметного обоснования каждая из парадигм в идеале обретает непреходящую транскультурную ценность и глобальный космический масштаб. Можно предположить, что активно формируется междисциплинарная парадигма нового уровня, современная парадигма информационизма и соответствующего учения о человеке в условиях информационной Вселенной. В свою очередь, в качестве основополагающей тенденции информационизма можно выделить тенденцию к онтологизации информации и коммуникации (связи), процесса информационного обмена и взаимодействия.

Если всё – только безличный информационный поток, бесконечный обмен и взаимодействие, если человечество – часть программы космического компьютера, то люди только встроенные в систему кодовые комбинации, служебные программы, а может быть даже и вирусы, энергетические батарейки и трансформаторы, и каждый – не более чем один из каналов приема и передачи в общей информационной сети.

Современные авторы справедливо задаются вопросом, возможен ли на основании онтологии информационизма антропоцентризм, если не онтологический, то хотя бы аксиологический? Какие антропологические следствия в целом и этические, социокультурные в частности повлечет за собой признание информационной природы человека, формирование и развитие нового антропологического типа? Станет ли он преемником «человека

разумного» и его культурным наследником или «человек информационный» – принципиально неантропоморфный тип существования, этически человеку чуждый (а точнее сказать, с человеческой точки зрения непредсказуемый, принципиально выходящий за прогнозный горизонт)?

Существует обоснованное мнение, что информатизм в его онтологической и аксиологической основе выступает противником гуманизма и витализма, наследником постмодернизма, что информационную революцию подготовила революция семиотическая и присущая ей тотальная деконструкция¹⁵⁶. Бытие человека, одержимого трансгрессией, превратилось в лишенный «генерализирующей грамматики» (Деррида) текст и ризоматично организованный гипертекст, а персональная идентичность и судьба – в произвольно интерпретируемую нарратацию. Смерть человека вследствие его философской проблематизации последовательно проявилась в смерти Бога, субъекта, автора, означаемого, за которыми, возможно, следует окончательное обезличивание индивида в цифре, растворение в стереометрии сетевых образований, диссоциация индивидуального сознания, сопровождающееся деградацией телесности, превращением человека в тело без органов и свойств, сведенное к поверхности текста и монитора абстрактное «нулевое тело».

Продолжая развивать данную логику¹⁵⁷, можно сказать, что возможность лингвистической революции кроется в возникновении алфавитного письма, которое окончательно разорвало связь вещи и знака и сделало человека вольноотпущенником и пилигримом симулятивного универсума, но само возникновение алфавитного письма было неизбежным следствием того, что человек – животное символическое, реализующее в сотворении культуры и знаково-символических пространств онтологическую предрасположенность к постоянному творчеству, трансценденции и этим же с необходимостью компенсирующий собственную биологическую недостаточность. Более того, сама эта биологическая недостаточность в контексте философской антропологии XX в. выступает эпифеноменом и неизбежным следствием «законов корреляции формы тела и формы окружающего мира» (Плеснер), ибо специфическая онтология человеческой телесности, ее двуаспектность, неизбежный конфликт двунаправленности – во вне и вовнутрь, порождает человека (со всеми его непрерывно диалектически развивающимися трагическими

противоречиями) как венаходимость (психофизически нейтральное единство, внетелесную точку зрения, точку зрения вечности, «субъекта, поставленного на Ничто»¹⁵⁸), придает человеку – его позициональному самосознающему ядру – виртуальный характер. Являясь средоточием двойного аспекта замкнутости плоти и разомкнутости организма, человек как самосознающий центр обладает «утопическим местом в бытии».

Можно предположить, что формирование информатизма и информационной антропологии не только преемственный для западной философии процесс, но и с необходимостью предполагающий пересмотр самого понятия человека и человечности, поиск новых, адекватных современным социокультурным реалиям антропологических дискурсов и моделей.

Философия XX в. блестяще проблематизировала человека, поставила под сомнение ценность «человеческого как слишком человеческого», вовлекла его в процесс бесконечного психоанализа и рукотворного усовершенствования, рас-человечения с целью о-сверхчеловечения. Человек не только стал в XX в. для себя проблемой, но и усугубил ее техническими и психологическими возможностями стирания антропологических границ, преступления собственных онтологических пределов. Специфика образа и действия современного человека в современной культуре изобилует всевозможными «транс» и «пост» обозначениями его транзитного, переходного характера. Можно без преувеличения сказать, что современная антропология вынуждена решать проблему информационного человека уже как транс- и пост- человека, принимая во внимание перспективу сверхчеловеческого.

При том что современная ситуация в целом характеризуется признанием невозможности создания на основе синтеза философских и научных достижений универсальной модели человека, согласимся, что человека можно определить скорее отрицательно (через несводимость, непредопределенность, незаменимость, неповторимость, невыразимость¹⁵⁹ и т. д.), что свидетельствует о его исключительной, нередуцируемой ни к твари, ни к творцу природе и положении внутри универсума.

В контексте западного антропоцентризма человек занимает исключительную позицию в мироздании именно потому, что он не просто тварь, а образ и подобие творческого космоса, необходи-

мый для самопознания абсолюта субъективный дух, микрокосм, отражающий целое и творца, как капля отражает океан. Человек обладает свободной волей, лишен раз и навсегда заданной природы, творец собственного образа и сущности, активен и подвижен в отношении собственных границ. Он – «скрепа мира». Его специфическая человечность выявляется как мера – пропорция между крайностями бесчеловечности и сверхчеловечности (нечеловечности), пространствами и пластами бытия, – и как интервал, хронотоп, в пределах которого человек сохраняет собственную аутентичность, такие человеческие качества, как способность выбирать и прилагать меру к внешнему и внутреннему миру, задавать систему референции.

Философский анализ развития антропологических учений позволяет выявить перенос акцента в понимании человека с субстанциональных онтологий на динамические, а затем на энергийные, синергийные, попытки определить человека не просто с точки зрения имманентной диалектики – динамически, но и телеологически посредством феноменов идеально-виртуального и сверхчеловеческого.

Человек – это эффект и результат взаимодействия Своего и Иного с последующим образованием некоего виртуального «между», материализующегося в вариантах нового *качества*. Он всегда есть «нечто третье», иномерное основаниям внутреннего и внешнего, духа и тела, материи и формы, а в бесконечной перспективе – Бога и Ничто и постоянно заново возникающее в результате их непрерывного взаимодействия. Он всегда оказывается мерным по факту, многомерным по форме и иномерным¹⁶⁰ по сути (по природе и генезису); онтологически тяготеет не только к переступанию меры текущего момента, к образованию полионтического конгломерата идеально-виртуальных реальностей, но и к онтологическому выходу за пределы вообще – к инобытию сверхчеловеческого.

Следует отметить, что по всему полю западной философии XX в. человек определяется не столько как статичная самореферентная индивидуальная субстанция, сколько как отношение – ансамбль, совокупность отношений и не только производственных общественных¹⁶¹, но и космических. Подлинно человеческое, истинно человеческое, эксклюзивно человеческое выявляется внутри этих отношений путем образования некоего виртуального поля взаимодействия, в диалоге и резонно определяется как мера – мера человеческого в

человеке, эксклюзивная способность актуализации многих измерений, необходимость задавать и выбирать меру как систему координат. «Человек – мера всех вещей» (Протагор) – прочитывается философской антропологией на новых социокультурных основаниях.

В широком диапазоне «религиозный – атеистический» от экзистенциализма (Марсель, Ясперс), герменевтики (Гадамер, Рикер) до феноменологии (Сартр, Левинас) диалогизм определил современный образ антропологического философствования. Акцент в понимании человеческого переносится с индивида на коммуникацию, интерактивный аспект, территорию интересубъективности, когда способ бытия человеческого возможен только как «бытие-с» (Хайдеггер), «со-бытие» (Сартр), «бытие друг-с-другом» (Бинсвангер) и т. д. Так, например, диалогический персонализм М.Бубера изначально утверждает не отдельное человеческое «Я», а именно *отношение человека к иному существованию*. Поэтому «Я» не существует само по себе, а только в соотношении с чем-то Иным (с «Ты» или «Оно»). При этом Иное (Другое) осознаётся как инаковое и всегда некоторым образом допускается и допускает к себе, становится сопричастным на территории «между», «суть которого реализуется не в том или в другом участнике и не в том реальном мире, в котором пребывают наряду с вещами, но в самом буквальном смысле – между ними обоими, как некоем до-ступном им измерении»¹⁶².

В философии XX в. человек пытается построить заново и философски переосмыслить отношения не только с Богом, с миром, с самим собой, с другими людьми, но определить пропорцию, соотношения между неизбежными модусами, измерениями собственного существования. С этой точки зрения становится более понятным экзистенциальный спор «самости» и «безликости» М.Хайдеггера и принципиально свободный выбор Ж.-П.Сартра.

Примечательно также, что в современной философии закрепляется тезис о том, что наличное существование человека обременено некой бытийной задачей (проектом): актуализировать заложенное, проявить непроявленное, реализовать Иное. При этом задача ставится не просто проявить и вытащить на свет сознания некий недоступный ранее, иномерный исходной системе референции, состоянию и опыту феномен, а организовать осмысленный диалог – сознательного с бессознательным и сверхсознанием¹⁶³.

Очевидной становится и «непрозрачная» сущность языка, поскольку возможность иных интерпретаций оказывается заложена в самой природе речевого дискурса на фоне общего смыслового горизонта. Семиотические системы оказываются масштабнее и древнее человека, а человек обречен на вечную языковую игру, актуальную «распаковку» вечных смыслов мирового семантического континуума. Сфера интересубъективности своеобразно онтологизируется, приобретает статус самореферентной, трансцендентальной системы, да к тому же ещё и ризоматично организованной. Пространство коммуникации, диалога интерпретируется как аналог жизни, постоянной динамики, территория сущностного взаимодействия и взаимных метаморфоз.

Попытки заново переопределить человека, выявить его антропологические пределы и исследовать топику антропологической границы привели к современному представлению, что человек не просто индивидуальная и коллективная активность, он прежде всего интерактивность, поле диалога и взаимодействия пространств различной природы. Человек – странник и медиатор материальной и нематериальной вселенной, динамическая пропорция видимого и невидимого.

Немаловажно, что уже в силу интересубъективного интерактивного целесообразного характера информации (без этого она превращается в данные) современная информационная антропология не может строиться исключительно на попытке выявления субстанциональных свойств. Поскольку она акцентирована на атрибутивном свойстве человека – активном пребывании в потоке информационной коммуникации, предназначении к управлению и обмену энергией с внешней и внутренней средами, к коммуникативному самоусовершенствованию, она выступает как учение о «человеке-отношении», мере-пропорции и системе референции, которую задает человек в процессе многоуровневого информационного взаимодействия.

Как нам представляется, современная информационная антропология переносит акцент с рассмотрения человека, каков он есть, на человека, каким он может и должен стать. Идеал человека будущего во многом определяется современной иерархией ценностей, представляет экстраполяцию в перспективу ценных человеческих качеств, однако этим не исчерпывается. Так, например, для того

чтобы адекватно реагировать на нечеловекообразный прирост информации, эффективно ее использовать, отвечать задачам постиндустриального развития, человек должен обрести качественно новые способности, радикально преобразовать сущность, образ, телесность и наличный способ взаимодействия с окружающим мультиверсумом.

В информационных потоках такой индивид должен уметь осуществлять себя уже как мультивид, используя сетевую логику (инологику) и возможности сетевого интеллекта¹⁶⁴. Поскольку информационные пространства чрезвычайно отзывчивы к активности человеческого ума и воображения, именно эти качества могут стать основой антропоцентрического преобразования. Для этого человек должен не просто в совершенстве освоить имагогику и имагологию, сделать ее основой сверхчеловеческого преобразования, но и научиться контролировать мыслеформы-мыслеобразы, стать мастером и хозяином материальных и нематериальных пространств.

Кем же будет информационный человек-сверхчеловек?

Если рассматривать информационный универсум как «мультиверсум» (Эверетт), с характерными для него бесконечными умножениями одновременно существующих параллельных вселенных, логикой и семантикой возможных миров, то и понятие человека расширится в направлении полионтичности, множественности мыслимых модальностей.

Умножение человека – это умножение альтернативных способов его существования и самоосуществления. Поскольку информационная природа практически без искажений способна воплощаться в различных субстратах и передаваться на бесконечные расстояния, человек-гипертекст, человек-гиперпослание, человек-семантический континуум может быть представлен в любой из форм инобытия. И если эволюция действительно связана с развитием способности к преобразованию, передаче и генерированию информации, то менять свою информационную природу, менять свой код, алгоритм, программу, образ мыследействия, выбирать материальный носитель для собственного воплощения – привилегия Бога, присвоенная современным информационным человеком на основании императива преобразования, творческого уподобления, мистического соучастия и синергического взаимодействия.

Если согласиться с тем, что человеческое «Я» подобно волновой функции, то следует допустить, что границы личности не сводятся к границам индивидуальной и социокультурной телесности, а расширяются до границ свободы и личностной ответственности. Человек есть уже не ограниченный в пространстве и времени объект, а воплощенная функция связи реальностей и пространств, актуализации Иного, практика нарушения и установления границ.

Адекватный мультиверсуму информационный человек должен быть многоролевым и многосамостным, подобен универсальному мультифункциональному устройству с центром управления базовыми программами. Поскольку информация всегда должна быть воплощена в некоем субстрате, информационный человек может быть мультисубстратным, преодолевающим не только в знаково-символической культурной, цифровой, но и в чувственно-телесной форме ограничения одного-единственного воплощения. Это способно положить конец «философским страданиям» экзистенциализма по принципиальной, «отрицающей всякую инаковость в бытии» (Янкелевич) воплощенности человека, его неизбежной индивидуальной смертности и не допускающей рефлексивного «снятия» конечности¹⁶⁵.

Трансгуманисты, например, полагают, что «Я» не сводится к пространственно-временным рамкам мозга и другого материального носителя. Онтологически «Я» тождественно Р-связи (взаимодополняющим категориям психологической связанности и непрерывности). Опираясь на эти положения, можно заключить, что Сверхчеловек будущего будет не обязательно антропоморфным существом. Скорее всего, наоборот, его информационная природа будет воплощена в высокотехнологичном материальном субстрате, позволяющем координировать и осуществлять высокоуровневые функции (коммуникация, абстрактное мышление, способность изменять и постигать мир и т. д.). Сверхчеловеческое «Я» таким образом, может являть собой любую форму и степень телесности: от миниатюрного электронного носителя до внушительных размеров кибернетического организма. Такой человек-сверхчеловек без ограничений будет использовать эффективные технико-биологические конструкции, порождая собственных двойников на разных, в том числе и материальных планах мироздания.

Космопсихобиология же, напротив, полагает, что именно человеческая универсальная природа (прежде всего работающий на полную мощность мозг) выступает инструментом энергообмена и энергопреобразования, диалога человека с космическим биокомпьютером, что и отвечает истинно человеческому предназначению. Такой сверхчеловек открывает в человеке истинную природу (природу человека сознательного), развивает в себе принципиально новые качества: сознательную волю и способность к самовосстановлению, самосовершенствованию, передаче информации от мозга к мозгу, интеграции, минуя технические посредники в «человеческий интернет» и высшие порядки бытия. Хотя любые аналогии при характеристике сверхчеловека заведомо бедны и ограничены, системно-целостная космопсихобиология полагает, что информационный человек должен быть подобен ядерному реактору холодного синтеза, двусторонней спутниковой антенне, сверхпроводнику, трансформирующему и передающему именно за счет своей специфической универсальности и самоосознания энергию космических пространств. Примечательно, что человеческая природа и в этом случае, согласно теоретикам данного направления, радикально изменится – станет истинной – космической, божественной, совершенной, но качественно иной по отношению к природе «трехмерных» земель.

Возможно, как и мечтал Циолковский, люди станут настоящими космическими животными с легкими прозрачными крыльшками, улавливающими энергию света. Возможно, человек превратится в антропоморфный сгусток энергии, осуществляющийся на уровне квантово-липтонных структур как бессмертное нетленное сопричастное творческому сознанию вселенной целое. Однако чтобы, проявляя свои ипостаси в бесконечных ипостасях вселенной, информационный индивидуум сохранял некую аутентичность и идентичность, он должен проявлять себя как мультивидуум, интегрирующий на уровне самосознания двойников, субличностей и суррогатов. Он должен самосовершенствоваться в искусстве трансформации, смерти и возрождения, целесообразной и осознанной «сборки», «разборки», воссоздания себя, порождения управляющего «Я» («точки сборки») на качественно новом биологически не гарантированном уровне.

Следует отметить, что современная техногенная цивилизация открывает новые возможности для интерпретации человека, прежде всего с точки зрения расширения его способностей и технического совершенства, включая практики по изменению, конструированию собственного образа и сущности. При этом упразднившая традиционные культурные табу и онтологические привязки современная культура сделала возможной и даже императивной для человека с минимальной человеческой компетентностью и квалификацией пользователя индивидуальную активность, а точнее, интерактивность в отношении собственных пределов, доступных реальностей и пространств. Доступ к иному попал в сферу рыночных платных услуг. Традиционные культурные механизмы инициаций, посвящений, испытаний и т. д., призванные ограничить доступ для неподготовленного сознания к полноте инобытия, в современной культуре практически сведены к процедурам технической авторизации. При этом в начале XXI в. мало кто сомневается в реальности перспективы экспансии самосовершенствующегося технического разума, возможности деградации человека и существования в качестве космического биогумуса.

Адекватная современности антропология должна, как нам представляется, включать в антропологическую теорию не просто представление об одномерном человеке и человеке многомерном, а акцентироваться на процессах взаимодействия и взаимосвязи между всеми измерениями универсума, принимать во внимание перспективу развития человека по отношению к запредельному Иному, практики по расширению и переступанию антропологических границ, сущностные трансформации человеческого.

Одномерный информационный человек по аналогии с одномерным человеком природным, экономическим, техническим и т. д. – это человек, редуцированный к одному измерению и свернувший все свои ипостаси в его пределах, извне-ориентированная личность. Причем данная редукция может осуществляться как извне (системой, другими и т. д.), так и внутренними устремлениями самого человека. Наряду с наркоманией, алкоголизмом, вещизмом, фанатизмом и другими традиционными формами одномерности примером последнего в современной информационной культуре может служить геймерство, одержимость социальными сетями, виртуальный аутизм.

Человек многомерный репрезентирует варианты творческого, толерантного, автономного, мобильного, свободного и т. д. индивидуума, в лучших проявлениях характерного для идеологии постмодерна. В современной культуре это не только образ туриста, фланера, номада, экспериментатора и авантюриста виртуальных миров, но и образ хакера, фрилансера как наемного воина и вольного художника виртуальных пространств.

Поскольку виртуальные информационные миры нередко объявляются пространствами особой неагрегационной невещественной природы, местом преодоления ограничений материи и реализации тотальной свободы самоосуществления и самовыражения¹⁶⁶, в современной культуре, в частности в киберпанке, существует романтико-героическая интерпретация образа многомерного информационного человека. Это образ мага и мастера, заклинателя и повелителя виртуальных пространств, работающего с тонкими проектными, причинными планами. Это образ человека, непременно ускользающего от системы, потому что он Иной. Он не просто живая клетка информации, он малый бог внутри дигитальной вселенной, вечный перекресток и концентрация миров.

Не менее иной, но более асоциальный и дикий образ многомерного информационного человека в киберпанке – это образ «лайф-хакера», а также культ «лайф-хакинга» как взлома всех социокультурных систем, преодоление условностей ради реализации собственной свободы, желаний и просто личностного произвола. Это образ маргинала, бродяги и фронтьера, добывающего коды доступа ко всем реальностям, взламывающего все преграды и преодолевающего все границы, возникающие на пути.

Вместе с тем уже очевидно, что многомерный человек эпохи глобализации – не только преодолевающий ограничения материально мира космополит. Он, как правило, носитель неустойчивой и потенциально одноразовой, клиповой, лоскутной, шизофренической идентичности. В мире, в котором происходит повсеместный переход от логики вещей к логике отношений, отношения между вещами замещаются отношениями между словами, а потом и отношениями между образами, такой человек желает одновременно быть всем, но, лишенный сознательной установки на внутреннее единство и самоосуществление, рискует заблудиться в симулякрах и виртуальных сетях, превратиться в одномерного «человека»

контент». Современный человек-контент может быть рассмотрен как результат отчуждения и множественной сиюминутной идентификации, вариант наполнения виртуального пространства суррогатами эмоций, жестов, поступков и т. д.

Принимая во внимание перспективный характер человеческого опыта, его универсальную, по образу и подобию творца сотворенную природу и т. д., следует допустить, что человек потенциально способен обладать личностным единством как единством множественности, в том числе множественности творческой ответственности за последствия собственной активности и судьбу мироздания на разных уровнях его бытия. Чем более многогранно и универсально человек взаимодействует с миром, тем в идеале ближе он к осуществлению собственного предназначения во Вселенной. Можно даже предположить, что в современную эпоху мы наблюдаем реализацию возможности «одномоментного актуального присутствия», множественности форм инобытия не только на уровне фантазии и воображения (диалог с героями произведений прошлого и будущего, инобытие творца в виде своих произведений и т. д.), но и в лице «он-лайн» технологий – воплощения одной личности в различных виртуальных хронотопах, совмещение в лице одного «оператора» множества телесных суррогатов и виртуальных представителей.

Если главное в человеке – виртуальное самосознающее ядро, психофизически нейтральное единство, то и сам человек прежде всего – ракурс рассмотрения, точка зрения¹⁶⁷, узел сгущения и пульсации существования. Человеку потенциально доступна любая точка зрения – персональная и трансперсональная, от минерала до Бога. В акте экзистенции и трансценденции ему открывается видение иного масштаба, синтезирующее тезис и антитезис и разрешающее противоречия предыдущего уровня. Человеку, пространственно-телесно локализованному внутри какого-либо из измерений вселенной, потенциально оказывается доступна точка зрения вечности-бесконечности, точка зрения Свидетеля, точка зрения Творца.

Немаловажно, что человек способен выбирать систему референции, задавать масштаб, поэтому его миссия в космических информационных сетях не просто излучать импульс, принимать и передавать сигнал, но и, используя «фильтры сознания», (В.Налимов) декодировать смысл, проявлять уникальность и из-

бирательность, вступать в диалог с семантическим континуумом вселенной. Будучи единицей целого, отражаясь и проявляясь одновременно во всем сущем, такой человек, как и «мечтает» экоэтика, трансперсональная и глубинная психология и т. д. в идеале будет способен воспринимать себя частью других и других частью себя, жизнь ипостасью смерти, а смерть – жизни, интегрирует светлое и темное начало психики, откажется от хищнического и эгоистического поведения, преодолеет фобии и агрессию по отношению к всевозможным формам инаковости и инобытия¹⁶⁸.

Вместе с тем очевидно, что новые человечески-сверхчеловеческие качества, формы самосознания и опыта, иная антропологическая мера предполагает сущностную антропологическую трансформацию, причем в глобальных беспрецедентных масштабах. Глобальность и общедоступность трансформирующих сознание и тело технологий, забвение традиций посвящения, увлечение «быстрорастворимым» просветлением, потребительский гедонизм, культ иного, нового как более совершенного и т. д. вызывает серьезные опасения за судьбу человеческой культуры и человеческого вообще.

Следует принимать во внимание не только тяжелый трансформационный кризис – «темную ночь души» (Гроф), сопровождающий всякого, вступившего на путь радикального преобразования, не только отчуждение, связанное с виртуализацией и техническим умножением личности в многообразных суррогатах, но и непредсказуемость с человеческой точки зрения поведения и этики совершенного бессмертного информационного существа. Сверхчеловек как носитель иного видения, иной системы референции, иного масштаба скорее всего будет не просто не антропоморфным, но и «не антропным», принципиально чуждым человеческой культуре и гуманизму.

В целом можно заключить, что в реальной перспективе внутриутробного растворения человека в голограммах информационных пространств актуальный философский интерес представляют теории и практики, повышающие и развивающие по отношению к многообразию информационных реальностей человеческую компетентность, синтезирующие древние мистические и современные психологические, научно-технические дигитальные традиции. Речь идет о новых адекватных концепциях и качествах, которые должны обеспечивать целостность и аутентичность человека в хронотопе настоящего и будущего.